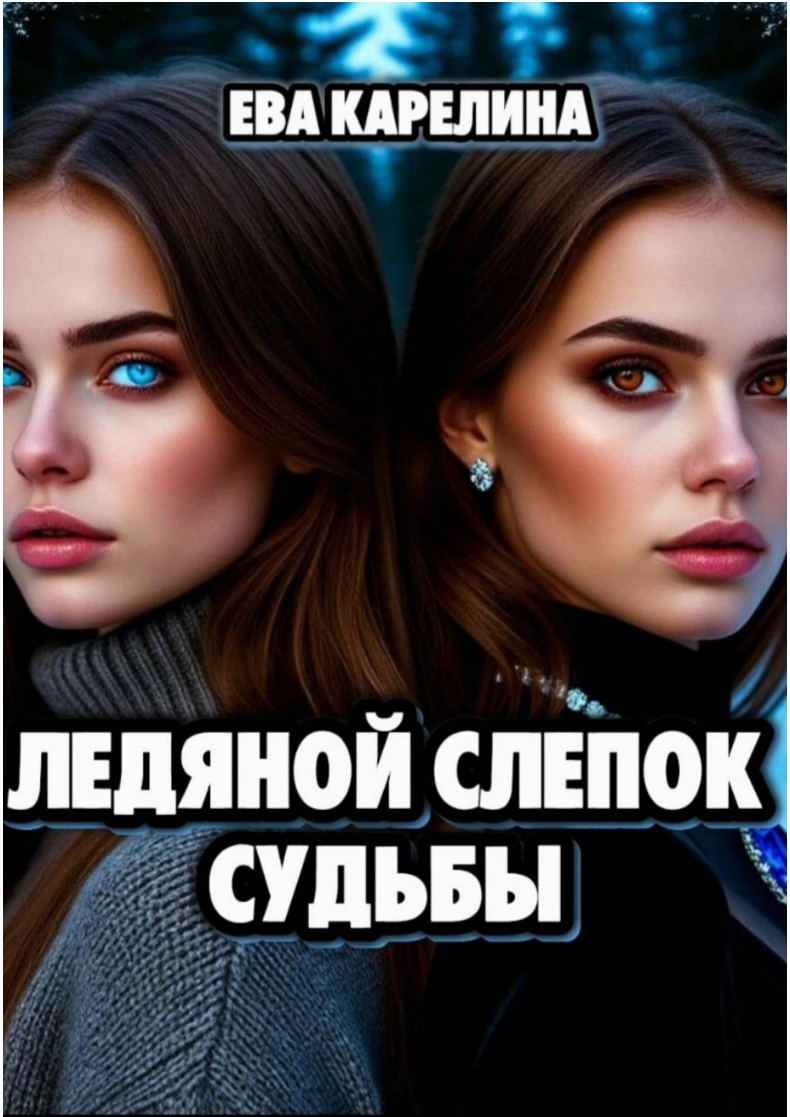

ЕВА КАРЕЛИНА
ЛЕДЯНОЙ СЛЕПОК СУДЬБЫ

Ева Карелина
Ледяной слепок судьбы

https://litres.ru/74775348
SelfPub; 2026

Аннотация

Остросюжетный любовный роман / Психологический триллер

Как легко украсть чужую жизнь, если у тебя с жертвой одно лицо на двоих?

Говорят, родная кровь — лучшая защита. Но иногда самый страшный враг смотрит на тебя из зеркала. Эта книга — о том, как далеко может зайти человеческая зависть, когда на кону стоят чужое счастье, чужая любовь и чужие миллиарды.

Можно подделать голос. Можно скопировать походку, привычки и даже прикосновения. Но можно ли обмануть того, кто любит не глазами, а сердцем? Вас ждет история о хладнокровном расчете, слепоте сильных мира сего и страшной цене, которую приходится платить за чужое место под солнцем. Здесь будет всё: ледяное предательство, борьба на пределе человеческих сил, расследование, где счет идет на часы, и любовь, способная согреть даже там, где, казалось бы, не выживает никто.

Откройте первую страницу — и вы не сможете оторваться, пока не узнаете, чем закончится эта партия.

Содержание

“ЛЕДЯНОЙ СЛЕПОК СУДЬБЫ”	4
Глава 1. Симметрия Каина	5
Глава 2. Тень на асфальте	20
Глава 3. Запах сусального золота и полярного ветра	31
Глава 4. Право на тишину и цена блеска	39
ГЛАВА 5. Сладкая ложь	45
Глава 6. Зеркальный лабиринт	51
Глава 7. Билет в один конец	59
Глава 8. Утро перед штормом	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ева Карелина
Ледяной слепок судьбы

“ЛЕДЯНОЙ СЛЕПОК СУДЬБЫ”
Ева Карелина

ЧАСТЬ 1. МОСКОВСКИЙ ГЛЯНЕЦ: ОХОТА В ТЕНИ

Глава 1. Симметрия Каина

Говорят, что однояйцевые близнецы делят одну душу на двоих, но в старом деревянном доме с высокими, потемневшими от балтийских дождей фронтонами на самой окраине Выборга эта красивая теория дала трещину с самого первого дня. Природа создала их пугающе, почти мистически симметричными. Волос в волос, голос в голос. Одинаковый разлет тонких, чуть вздернутых у висков бровей, идентичный изгиб капризных губ, одинаковая ямочка на левой щеке, появляющаяся при улыбке. Даже крошечная родинка на внутреннем сгибе левого запястья у обеих сидела на одном и том же месте, с точностью до миллиметра.

До самого совершеннолетия их не могли различить ни строгие школьные учителя, ни соседи по улице, ни редкие гости. Даже отец — молчаливый, угрюмый человек с огромными, загрубевшими от работы на лесопилке руками — возвращаясь со смены в пропахшей хвоей и соляркой телогрейке, порой устало щурился и путал их имена.

Их разделяло только одно. Глаза.

У Аксиньи они были пронзительно-голубыми, цвета вы-

сокого, звенящего октябрьского неба над промерзшим карельским озером. Прозрачные, чистые, глубокие — казалось, если заглянуть в них подольше, можно увидеть самое дно души, где не пряталось ни единой темной мысли. Настасья же смотрела на мир карими, почти черными глазами — теплыми на первый взгляд, как густой гречишный мед, но скрывающими в своей глубине вязкую, хищную и вечно голодную тьму.

Эта разница стала их личным проклятием. Карие против голубых.

В доме Поляковых жили бедно, тяжело и шумно. Мать, работавшая бухгалтером на местном судостроительном заводе, вечно зашивалась в отчетах и нехватке денег до получки, а отец всё свободное время проводил в сарае, ремонтируя старую технику или заготавливая дрова на долгую северную зиму. Девочки с ранних лет были предоставлены сами себе, и именно в этой тихой, обделенной родительской лаской свободе их характеры начали расходиться в разные стороны, словно два корня одного дерева, уходящие в разную почву.

Внутренний раскол обозначился окончательно, когда им едва исполнилось по семь лет.

В тот душный, ленивый августовский вечер, когда воздух над Выборгом был густым от запаха разогретой на солнце сосновой коры и близкого залива, Аксинья забралась на старый, заваленный рухлядью чердак. Там, в самом дальнем углу под стропилами, в коробке из-под старых валенок она нашла выброшенную матерью фарфоровую пастушку. Изящная, старинная статуэтка позапрошлого века была безжалостно разбита: тонкая фарфоровая ручка, державшая пастуший посох, отломилась у самого плеча, пышный, расписанный мелкими незабудками кринолин раскололся на семь уродливых острых осколков, а по белоснежному, кукольному личику пробежала глубокая, злая трещина.

Для любого нормального ребенка это был обычный мусор. Настасья, поднявшаяся на чердак следом в поисках старых журналов мод, едва взглянув на находку, раздраженно пнула коробку носком сандалии, заставив осколки жалобно, тонко звякнуть.

— Выброси эту дрянь, Аська, — буркнула кареглазая сестра, небрежно перекидывая через плечо толстую каштановую косу. — От нее только пыль и порезаться можно. Отец в субботу получку получит, обещал привезти из города новых пластиковых пупсов в ярких коробках с бантами. Они блестят. Они красивые и дорогие. А эта калека никому не нужна.

Аксинья ничего не ответила. Она лишь молча опустилась на колени прямо на пыльные, скрипучие доски чердака и бережно, один за другим, словно драгоценные жемчужины, собрала хрупкие белые кусочки в подол своего простенького ситцевого платья. В её маленьких, тонких пальцах уже тогда проснулась та самая ювелирная, хирургическая моторика, которая спустя двадцать лет заставит преклонить колени лучших коллекционеров антиквариата столицы.

Всю следующую неделю, пока Настасья носилась с дворовыми мальчишками по пыльным дорогам Выборга, лазала по чужим яблоням и вертелась перед мутным трюмо, примеряя мамины бусы, Аксинья сидела в дальнем углу их общей спальни, затаив дыхание.

Окна были плотно затворены, чтобы ни один случайный сквозняк с залива не нарушил её уединенное таинство. Маленькая голубоглазая девочка, вооружившись копеечным силикатным клеем, старой тоненькой кисточкой для акварели, маникюрной пилочкой и щепоткой маминой рассыпчатой пудры, часами подгоняла сколы друг к другу.

Она не просто склеивала фарфор — она лечила его. Затаив дыхание, закусив нижнюю губу, она миллиметр за миллиметром затирала швы, подбирала оттенок пудры так, чтобы

скрыть сероватый клей, и шлифовала стыки кусочком старой замши. Она делала это с такой фанатичной, сосредоточенной нежностью, словно от этой статуэтки зависела её собственная жизнь. Она училась чувствовать характер материала, понимать дыхание камня и глины. Она возвращала душу тому, что все остальные считали мертвым хламом.

В субботу вечером пастушка была готова. Она стояла на старом деревянном комоде у окна — безупречная, цельная, залитая мягким закатным солнцем. Трещина на белоснежном лице куклы исчезла, превратившись под рукой маленького мастера в изящную, едва заметную тень, похожую на легкую вуаль. Оборки платья сияли чистотой, а от всей фигурки исходило удивительное, благородное тепло старины.

Настасья вошла в комнату, на ходу лениво жуя кислое зеленое яблоко, и замерла у самого порога.

Её карие, почти черные глаза мгновенно расширились. В их темной глубине вспыхнула странная, пугающая для семилетнего ребенка смесь восторга и едкой, удушливой, разъедающей душу зависти. Настасья медленно подошла к комоду, протянула руку и бесцеремонно, грубо схватила пастушку за фарфоровое плечо.

— Отдай, — коротко, властно потребовала она. Её голос,

бывший точной, зеркальной копией голоса Аси, прозвучал резко и потребительски. — Она моя.

— Но я собирала её целую неделю, Настя… — тихо, растерянно прошептала Аксинья, отступая на шаг и прижимая к груди испачканные клеем и пудрой ладони. — Я с чердака её принесла. Ты же сама сказала, что это дрянь и её надо выбросить.

— Мало ли что я сказала! Теперь она красивая. Значит, она моя, — Настасья смерила сестру тяжелым, темным взглядом сверху вниз, хотя они были абсолютно одного роста. — Мы же с тобой одинаковые, Аська. Волос в волос. Значит, и вещи у нас должны быть общие. Мама с отцом всё равно нас не отличат. Я скажу, что это я её нашла и склеила. А ты попробуй только вякнуть — я твой альбом с рисунками в печке сожгу.

В тот вечер Настасья впервые примерила на себя чужой труд и чужую уникальность. Она вынесла фарфоровую пастушку во двор, с гордым, надменным видом хвастаясь перед соседскими девчонками своей «гениальностью» и принимая их восхищенные вздохи как должное. Аксинья же лишь молча смотрела на сестру из окна второго этажа. Её пронзительно-голубые глаза были полны тихой, горькой мудрости. Она не пошла жаловаться родителям — знала, что те отмахнутся

от детских ссор. Но именно в ту минуту семилетняя Ася поняла главную разницу между ними: Настасье не нужен процесс, ей не интересен металл, фарфор или терпеливый труд. Ей нужен готовый, глянцевый результат. Ей нужен был фасад роскошной, красивой жизни, ради которого она была готова без раздумий присвоить чужое.

Прошли годы. Разница между ними, сглаженная одинаковой дешевой одеждой в школьной юности, в огромной, безжалостной Москве превратилась в непреодолимую пропасть.

Аксинья осталась верна своему тихому, сосредоточенному дару. В восемнадцать лет, собрав небольшой чемодан и грошовые сбережения, она уехала в столицу и вопреки всем прогнозам с первого раза поступила на бюджет в Строгановку, на отделение художественной реставрации. Потом были годы суровой школы: ночные подработки официанткой, бесплатные стажировки в сырых, полуподвальных мастерских старых музейных реставраторов, вечная экономия на еде ради покупки хороших немецких резцов и натуральных лаков.

К двадцати шести годам Ася выгрызла себе право заниматься любимым делом. Её жизнь в Москве не имела ни малейшего отношения к столичному глянцу.

Небольшая, скромная мастерская в полуподвале старого доходного дома на Садовой-Кудринской приносила ровно столько, чтобы вовремя оплачивать грабительскую аренду, покупать реактивы и сводить концы с концами в тесной съемной двушке на окраине. Аксинья не носила брендовых вещей, не ужинала в модных ресторанах и считала каждую заработанную тысячу. Но в узком, закрытом мире столичных коллекционеров и антикваров имя Аксиньи Поляковой уже произносили с тихим уважением. Здесь, среди густого запаха дорогого сукна, старинного сусального золота, канифоли и спиртовых лаков, Ася возвращала жизнь тому, от чего отказывались другие мастера. О её феноменальном чутье ходили легенды: она могла по одному едва заметному сколу определить возраст платины или происхождение старинного изумруда.

Настасья же приехала в Москву на два года позже сестры и пошла совершенно другим путем. Учиться или работать руками она не собиралась. Столица встретила её жестко, но кареглазая близняшка была готова платить любую цену за билет в мир роскоши. Обладая яркой, породистой внешностью, высокой грудью и длинными ногами, она быстро научилась продавать свой фасад. Она меняла закрытые клубы, дорогие автосалоны, богатых женатых покровителей и съемные квартиры в пределах Садового кольца, вечно гонясь за той самой «красивой, люксовой жизнью».

Но в двадцать шесть лет Настасья внезапно обнаружила себя на краю пропасти. Молодые, еще более хищные соперницы теснили её из VIP-лож, богатые мужчины быстро уставали от её капризов и пустых разговоров, долги по кредитным картам росли как снежный ком, а за душой не было ничего, кроме шкафа брендовых вещей из позапрошлых коллекций и леденящего страха скорой нищеты. Настасья продолжала отчаянно имитировать успех перед подругами в социальных сетях, но её личный цейтнот уже поджимал горло. Ей нужен был куш. Большой, легальный и окончательный.

В этот серый, промозглый октябрьский четверг Настасья забежала в мастерскую к сестре без предупреждения — просто чтобы переждать холодный осенний ливень и в очередной раз попытаться вытянуть у Аси пару десятков тысяч до следующей недели.

Дверь полуподвала мягко звякнула латунным колокольчиком. Настасья впорхнула в цех, шурша приталенным кожаным плащом, взятым в рассрочку, и цокая тонкими шпильками по бетонному полу. На ходу сбросив на потертый кожаный диванчик свою главную гордость — оригинальную сумку Burberry — она привычно огляделась, брезгливо кривя накрашенные губы при виде старых верстаков, баночек с химикатами и тусклого освещения.

— Привет, рабочая интеллигенция! — звонко, с напускным, светским весельем крикнула Настасья, проходя вглубь мастерской. — Всё чахнешь над чужими железками за копейки? Господи, Аська, у тебя тут воняет как в морге или кабинете химии. Как ты вообще здесь сидишь сутками? Неудивительно, что у тебя до сих пор ни мужика нормального, ни жизни.

Аксинья не ответила сразу. Она сидела за центральным дубовым верстаком под мощной бестеневой лампой. На ней был простой, заляпанный воском и пылью рабочий фартук поверх строгого черного свитера грубой вязки, каштановые волосы были небрежно стянуты в пучок на затылке и закреплены простой деревянной шпилькой, а на глазах сидели громоздкие бинокулярные очки-лупы. Её тонкие пальцы в тончайших латексных перчатках замерли, удерживая крошечный ювелирный пинцет.

— Настя, подожди секунду, не шуми, пожалуйста, — тихо, не оборачиваясь, попросила Аксинья. Её голос прозвучал мягко, с той самой легкой, бархатистой хрипотцой, но в нем чувствовалась привычная железная концентрация мастера. — У меня финальная фиксация центрального каста. Шаг влево — и платину поведет, я тогда с этим заказом до утра не расстанусь.

Настасья раздраженно закатила карие глаза, тяжело вздохнула, облокотившись бедром о край соседнего стола, и лениво скользнула взглядом по рабочему пространству сестры. Её хищные, привыкшие оценивать стоимость любой вещи глаза машинально сканировали полки.

И вдруг взгляд Настасьи намертво, парализующим образом приковался к бархатному ложементу, лежавшему прямо под ярким, направленным лучом бестеневой лампы Аксиньи.

Настасья замерла. Дыхание перехватило так резко, словно ей ударили под дых.

На черном, поглощающем свет бархате покоилось старинное платиновое ожерелье музейного уровня. Это было не просто дорогое украшение из модного бутика — это был шедевр закрытой, аристократической ювелирной школы, от которого веяло запредельным, недосягаемым богатством, вековой властью и огромными, бездонными деньгами. Массивное, но невероятно изящное платиновое плетение, выполненное в винтажном стиле, напоминало тончайшие морозные кружева, а в самом центре, в окружении россыпи чистейших, искрящихся бриллиантов старинной огранки, горел он.

Гигантский кашмирский сапфир глубокого, бархатно-синего цвета. Камень казался живым. Он не просто отражал свет лампы — он вбирал его в себя, превращая внутри своих граней в опасное, гипнотическое сияние полярного неба. Такое украшение не могло принадлежать обычному столичному бизнесмену. От него за версту пахло закрытыми аукционами Сотбис, швейцарскими сейфами и миллиардными империями.

Настасья медленно, словно завороженная королевской коброй, подалась вперед, забыв про свой светский лоск. Её карие глаза вспыхнули тем самым первобытным, хищным огнем зависти, который семилетняя Ася видела в детстве у деревянного комода с фарфоровой пастушкой. Пальцы Настасьи в мягких перчатках судорожно сжались на краю верстака. В её голове, привыкшей безошибочно просчитывать ценники глянцевого мира, мгновенно щелкнул внутренний счетчик. Пять миллионов долларов? Десять? Больше. Эта вещь стоила столько, что могла навсегда вытащить её из долговой ямы и обеспечить роскошную жизнь до самой старости.

— Аська… — голос Настасьи внезапно сорвался на хриплый, прерывистый шепот, став пугающе похожим на шелест сухой осенней листвы. — Это… это откуда у тебя? Кто-то принес это сокровище в твой сырой подвал?

Аксинья аккуратно опустила пинцет на салфетку, выключила паяльную станцию и медленно сняла бинокулярные очки. Она повернулась к сестре, и её пронзительно-голубые, чистые глаза встретили хищный, застывший взгляд Настасьи с легкой, инстинктивной тревогой.

Ася намеренно не стала называть имя клиента — Глеба Морозова, сурового и закрытого владельца крупнейшего северного металлургического концерна. Глеб доверил ей эту главную фамильную реликвию своей семьи тайно, лично приехав в мастерскую пару недель назад, и Ася строго соблюдала конфиденциальность. Она тем более не заикнулась Насте о том, что этот невероятный, сильный мужчина уже полгода — с тех самых пор, как она отреставрировала серебряные карманные часы его деда — красиво и настойчиво ухаживал за ней, и что между ними разгоралось настоящее, глубокое чувство. Настасья не знала о Морозове абсолютно ничего. Для неё это был лишь безымянный, фантастически богатый заказчик, оставивший целое состояние на столе у её сестры.

— Это очень старая, закрытая работа, Насть, — тихо, стараясь говорить как можно спокойнее и будничнее, ответила Аксинья, набросив на ожерелье плотную замшевую салфетку и скрывая ослепительный сапфир от жадного взгля-

да сестры. — Владелец принес его на реставрацию в частном порядке. Здесь было повреждено центральное крепление камня и ослаб замок. Я должна закончить работу к понедельнику. Пожалуйста, не трогай его и никому не рассказывай, что видела эту вещь. Это очень серьезные, опасные люди, в их кругу не прощают длинных языков.

— Да ладно тебе, больно надо, я просто посмотрела, — Настасья натянуто, криво улыбнулась и отступила к дивану, делая вид, что мгновенно потеряла интерес.

Она даже не стала просить денег в долг, сославшись на то, что ей срочно нужно бежать на встречу, быстро подхватила сумку и выскочила за дверь под проливной октябрьский дождь.

Но её сердце колотилось в груди как сумасшедшее, разгоняя по жилам горячий, отравляющий яд жадности, а перед глазами всё еще стоял этот леденящий, бархатно-синий огонь кашмирского сапфира. Настасья — расчетливая, загнанная в угол хищница — мгновенно поняла: судьба сама принесла ей этот шанс. В её голове, пока она шла по мокрому тротуару Садовой-Кудринской, уже зрел холодный, безжалостный план.

Она решила во что бы то ни стало проследить за этим оже-

рельем в понедельник, выяснить, кто его законный владелец, узнать всё о его бизнесе, его семье и его слабостях, и хитростью вырвать этот выигрышный билет в роскошную жизнь.

Настасья еще не знала, что этот таинственный богач — жених её родной сестры, но она уже была готова переступить через любую преграду, чтобы забрать себе то, что принадлежало Аксинье.

Глава 2. Тень на асфальте

Трое суток между серым октябрьским четвергом и понедельником растянулись для Настасьи в мучительную, липкую пытку. Она почти не выходила из своей тесной, душной съемной однушки в старом кирпичном доме на окраине Пресни. За окном беспрерывно моросил холодный, колючий московский дождь, превращая дворы в грязное месиво, а внутри квартиры, где уже второй месяц пахло не оплаченными вовремя коммунальными счетами и дешевым растворимым кофе, сгущалась тяжелая, удушливая атмосфера отчаяния и хищного азарта.

Настасья не спала. Стоило ей закрыть карие глаза, как перед внутренним взором тут же вспыхивал леденящий, бархатно-синий огонь того самого кашмирского сапфира, лежащего на черном бархате в сыром полуподвале сестры. Этот камень стал для неё навязчивой идеей, точкой невозврата. В пятницу утром ей позвонили из банка с жестким предупреждением о передаче долга по кредитным картам коллекторам, а в субботу вечером хозяйка квартиры сухо написала в мессенджере, что ждет оплату за следующий месяц до вторника, иначе в среду сменит замки.

У Настасьи не было ни копейки. В её шкафу всё еще висели дорогие брендовые платья из прошлых коллекций, купленные на пике щедрости бывших покровителей, стояли туфли Jimmy Choo и лежала оригинальная сумка Burberry, но в кармане кашемирового пальто звенели лишь жалкие три тысячи рублей. Возвращаться на работу секретаршей или администратором в салон красоты за смешную зарплату она не собиралась — мысль о том, что придется считать копейки, как её серая, пришибленная сестра Аська, вызывала у Настасьи физическую тошноту.

Ей нужен был рывок. И единственный билет в ту жизнь, для которой, как она свято верила, она была рождена, лежал сейчас на рабочем верстаке Аксиньи.

«Понедельник, — шептала Настасья, расхаживая по крошечной кухне и нервно грызя безупречный, покрытый красным лаком ноготь. — Аська сказала, что заказчик заберет ожерелье в понедельник. Он не пошлет за такой вещью обычного курьера из доставки. За камнем стоимостью в несколько миллионов долларов приедет либо сам хозяин, либо его личная охрана. Мне нужно только увидеть лицо этого человека. Пробить номера его машины. Узнать, кто он. А дальше… дальше я найду способ оказаться с ним за одним столиком».

В понедельник утром Москва пахла солью, мокрым бетоном и выхлопными газами застрявшего в глухих пробках Садового кольца. Небо над столицей напоминало тяжелую, грязную овечью шерсть — низкое, грузное, набухшее влагой. На Садовой-Кудринской, прямо напротив полуподвальных окон реставрационной мастерской Аксиньи, бесконечным, глухо рокочущим потоком ползла многокилометровая железная река.

Настасья заняла наблюдательный пост еще в десять утра, едва Ася открыла железную дверь своего подвала и спустилась вниз.

Чтобы не привлекать внимания прохожих и возможной наружной охраны клиента, Настасья выбрала небольшой, но изысканный гастробутик с панорамными окнами на противоположной стороне улицы. Она устроилась за самым дальним столиком у стекла, полускрытая тяжелой бархатной портьерой. На ней было приталенное кашемировое пальто известного итальянского бренда, тонкие перчатки из мягкой козьей кожи от Gucci, а на соседнем стуле стояла та самая сумка Burberry — её последняя глянцевая броня, ради которой она залезла в долги. Перед ней медленно остывала чашка дорогого латте на миндальном молоке — она заказала его на последние деньги только ради того, чтобы бариста не косился на её многочасовое сидение за пустым столом.

Карие, почти черные глаза Настасьи неотрывно, с фанатичной, немигающей фиксацией хищника сканировали облупленную дверь напротив. Прошел час. Второй. Третий. Спина затекла от неудобной позы, в висках стучала тупая боль от недосыпа и голода, но Настасья не смела отвести взгляд даже на секунду.

И в четырнадцать часов тридцать минут тяжелый, монотонный ритм Садовой-Кудринской словно споткнулся.

К обочине прямо напротив полуподвала Аксиньи, плавно и бесшумно, как хищная глубоководная рыба, притерся гигантский угольно-черный лимузин Maybach с наглухо затонированными стеклами. Машина была бронированной — Настасья, успевшая насмотреться на автопарк столичных олигархов в закрытых клубах, мгновенно определила это по неестественной толщине боковых стекол и тяжелому, монолитному ходу подвески. За лимузином, с точностью швейцарского хронометра, замер массивный черный внедорожник сопровождения.

Из машины охраны мгновенно, без суеты и лишних движений вышли трое крепких мужчин в строгих темных пальто. Их воротники были подняты от колючей измороси, а правые руки лениво, но контролирующе лежали в карманах.

Профессиональные телохранители высшего класса, бывшие силовики. Один из них быстрым, сканирующим взглядом оглядел улицу, его глаза на долю секунды мазнули по окнам гастробутика, заставив Настасью инстинктивно вжаться в тень портьеры, а затем он сделал едва заметный знак рукой назад.

Задняя дверь бронированного Maybach бесшумно распахнулась.

Настасья затаила дыхание, её карие зрачки расширились до предела, фиксируя каждую деталь. Из салона лимузина вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, плотно скроенный — от него даже через четыре полосы оживленного шоссе веяло сокрушительной, первобытной и абсолютно легальной властью. На нем было безупречное кашемировое пальто графитового цвета, сшитое на заказ, под которым угадывался строгий деловой костюм. Коротко стриженные темные волосы с легкой, благородной сединой на висках, жесткий волевой подбородок и тяжелый, прямой взгляд человека, привыкшего отдавать приказы, которые не обсуждаются.

Сердце Настасьи пропустило удар, а затем заколотилось где-то в самом горле. Она узнала его. Лицо этого человека редко мелькало в светской хронике, но пару месяцев назад его фотография украшала обложку российского Forbes в ма-

териале о самых закрытых и влиятельных промышленниках страны.

Глеб Морозов. Хозяин северных металлургических комбинатов, владелец портовых терминалов и закрытых инвестиционных фондов. Человек, чье состояние исчислялось миллиардами долларов и перед которым открывались двери любых кабинетов.

Морозов не стал ждать охраны. Он сделал два быстрых, тяжелых шага по мокрому асфальту и уверенно толкнул железную дверь полуподвала, скрывшись внутри.

Настасья судорожно схватила со стола свой смартфон, включила камеру, выкрутила оптический зум на максимум и навела объектив на низкие полуподвальные окна мастерской сестры. Защитные жалюзи Аси были приоткрыты ровно настолько, чтобы сквозь стекло, в ярком белом свете бестеневой лампы, Настасья могла видеть всё, что происходит у центрального верстака.

Внутри мастерской в этот момент царила звенящая, напряженная тишина, пахнущая сухим деревом, спиртовым лаком и старым сусальным золотом. Аксинья стояла у рабочего стола. На ней был всё тот же простой, заляпанный воском фартук поверх скромного черного свитера грубой вяз-

ки, а каштановые волосы были собраны в небрежный пучок с деревянной шпилькой. Её тонкие пальцы слегка подрагивали, когда она укладывала отреставрированное платиновое ожерелье назад в бархатный ложемент. Работа была завершена безупречно: замок щелкал с благородным, едва слышным звуком, а крепление двадцатикаратного кашмирского сапфира держало камень намертво.

Когда тяжелая дверь распахнулась и в полумрак мастерской ворвался холодный уличный воздух вместе с массивной, уверенной фигурой Морозова, Ася невольно улыбнулась. Её пронзительно-голубые, ясные глаза вспыхнули тихим, исцеляющим светом.

— Добрый день, Глеб Александрович, — мягко, с легкой, бархатистой хрипотцой произнесла она, снимая тонкие латексные перчатки и кладя их на край верстака. — Ваш заказ готов. Центральный каст укреплен платиной той же пробы, замок полностью восстановлен. Я старалась сохранить каждый оригинальный завиток работы старого мастера.

Морозов остановился у стола, сбросил на ходу кожаные перчатки и посмотрел на неё. Его жесткое, суровое лицо, которое на переговорах в министерствах наводило ужас на конкурентов, внезапно разгладилось. В глубоких темных глазах появилось то самое редкое, согревающее и собственниче-

ское чувство, которое он последние полгода бережно растил внутри себя по отношению к этой хрупкой, гордой девушке. Ему было глубоко плевать на сохранность старинной платины. Он ценил её не за то, что она умела работать руками — он полюбил её чистую, пахнущую осенним небом душу, в которой не было ни грамма московской фальши и жадности.

— Я же просил тебя, Ася… когда мы одни — просто Глеб, — его низкий, рокочущий баритон заставил сердце Аксиньи сделать привычный счастливый кувырок. Он даже не взглянул на бесценное ожерелье, лежавшее на бархате под лампой. Его взгляд был прикован только к её лицу, к легкой усталости под глазами и нежному румянцу на щеках. — Ты снова не спала всю ночь? Я же говорил: эта вещь могла подождать еще неделю. Твое здоровье важнее любых реликвий.

— Я не могла подвести вашу семью, Глеб, — Ася слегка смутилась, опуская взгляд и прижимая ладони к фартуку. — Для меня эта работа была очень важна.

Морозов сделал шаг вперед, преодолевая разделявшее их расстояние. Его огромная, горячая ладонь легла ей на талию — сильным, но невероятно бережным движением притягивая её к своей широкой груди. Аксинья замерла на секунду, ощущая сквозь ткань кашемира жар его тела и знакомый, терпкий аромат дорогого табака и морозного ветра, а затем

доверчиво прильнула к нему. Глеб наклонился, убрал выбившуюся прядь волос за её ухо и накрыл её губы долгим, тягучим поцелуем — медленным, глубоким, полным такой тихой, нерушимой нежности, от которой у девушки закружилась голова.

Через дорогу, в пыльном углу гастробутика, Настасья судорожно впилась ногтями в экран смартфона. Картинка в объективе мелко дрожала от того, как бешено колотились её сердце. Она видела всё: как всесильный полярный миллиардер обнимает её простую, нищую сестру, как он целует её с такой бережной страстью, словно держит в руках величайшее сокровище мира, как Аська доверчиво закрывает свои пронзительно-голубые глаза на его плече.

«Она его невеста… — дикая, удушливая мысль ядовитой змеей обвилась вокруг шеи Настасьи, заставляя её задыхаться от бешеного, темного прилива зависти. В висках застучала горячая кровь, перед глазами поплыли красные круги. — Эта нищая повариха от ювелирки, эта серая мышь в засаленном фартуке — невеста самого Глеба Морозова?! Как?! За какие заслуги?! Она же ноль! У неё даже нормального пальто нет! Мы ведь одинаковые! Волос в волос, голос в голос! Так почему Глеб Морозов смотрит на неё как на богиню, а меня вышвыривают из клубов за неоплаченные счета?!»

Но то, что произошло в мастерской в следующую секунду, окончательно сорвало Настасье стопоры, выжигая в её душе последние остатки человечности.

Глеб Морозов медленно отстранился от Аси, взял с бархатного ложемента платиновое ожерелье и осторожно, словно совершая священный ритуал, надел его на её тонкую шею поверх простого черного свитера. Гигантский кашмирский сапфир лег точно в ложбинку между её ключицами, вспыхнув под бестеневой лампой сумасшедшим, бархатно-синим огнем. Морозов наклонился, что-то тихо прошептал ей прямо в губы и нежно поцеловал в шею, чуть выше драгоценного плетения. Он дарил ей эту фамильную святыню. Дарил насовсем, как символ их скорой свадьбы и её нового, законного статуса в его могущественной семье.

Настасья смотрела на экран телефона, и в её карих, почти черных глазах зажглась леденящая, мертвая тьма истинной убийцы. Её красивое, породистое лицо исказилось в беззвучной, судорожной гримасе лютой ненависти. Вся цепочка событий в её голове замкнулась мгновенно, превратившись в тугой, безжалостный, хирургически точный приговор.

«Он любит её образ… — Настасья медленно опустила телефон на стол, её дыхание стало ровным, холодным и страшным. — Он любит это лицо. Этот небрежный пучок. Эти ти-

хие, скромные интонации. Он слеп, как и все богатые мужики. Ему просто захотелось поиграть в благородство с бедной золушкой. Он никогда не поймет разницы, если вместо голубых глаз на него посмотрят карие. Настасья Полякова будет носить этот сапфир. Настасья Полякова займет чужое место у алтаря в Москве, войдет в эту семью на правах законной жены и получит безграничный доступ ко всему богатству его клана».

Она видела, как Глеб помог Асе снять рабочий фартук, накинул ей на плечи простое шерстяное пальто и, бережно придерживая за талию, вывел из полуподвала на улицу. Охранник мгновенно распахнул перед ними заднюю дверь бронированного Maybach, и через секунду черный кортеж плавно, бесшумно растворился в сером потоке Садового кольца.

Настасья медленно поднялась из-за столика, поправила на плече ремень сумки Burberry и вышла на промозглую улицу. Дождь хлестал по лицу, но она не чувствовала холода. Полярный цейтнот её новой, страшной игры начался. Она уже знала, что сделает: она соберет всю информацию о Глебе Морозове, проникнет в мастерскую сестры, выкрадет её расписание и заманит Аксинью в такое ледяное, забытое богом место, откуда та никогда не вернется живой.

Глава 3. Запах сусального золота и полярного ветра

Полгода назад, когда майская Москва только начинала сбрасывать тяжелую весеннюю сырость, полуподвал на Садовой-Кудринской ничем не отличался от десятков других ремесленных закутков старого центра. Тогда Аксинья еще не знала имени Глеба Морозова. Для неё он был просто очередным закрытым, суровым клиентом, который вошел в её дверь без предварительного звонка, принеся с собой запах дорогого табака, морозного северного ветра и тяжелую, почти физическую ауру абсолютной власти.

В тот вечер Ася задержалась за верстаком допоздна. На улице накрапывал теплый дождь, а в мастерской тихо потрескивала старая паяльная лампа. Когда колокольчик над входной дверью глухо звякнул, Аксинья вздрогнула, подняв голову от микроскопа.

На пороге стоял высокий, широкоплечий мужчина в темном, намокшем под дождем кашемировом пальто. Его лицо, словно высеченное из сурового северного гранита, не выражало ни тени улыбки, а темные, глубоко посаженные глаза

пристально, сканирующе оглядели тесное помещение, задержавшись на старых баночках с лаками, потертом кожаном диванчике и самой Аксинье — хрупкой девушке в заляпанном клеем фартуке, с небрежно собранными в пучок волосами.

— Вы Аксинья Полякова? — его низкий, рокочущий баритон заставил воздух в маленькой комнате словно сгуститься.

— Да, это я, — спокойно ответила Ася, снимая бинокулярные очки и вытирая пальцы о салфетку. Она не испугалась его тяжелого взгляда — за годы работы она привыкла к разным заказчикам, от эксцентричных коллекционеров до угрюмых бизнесменов. — Чем я могу вам помочь? Мастерская уже закрывается.

Мужчина медленно подошел к верстаку, расстегнул пальто и достал из внутреннего кармана небольшой, завернутый в старую замшу сверток. Он положил его на стол перед Аксиньей и развернул.

На сукне лежали старинные карманные часы конца девятнадцатого века. Серебряный корпус был сильно деформирован — словно часы попали под тяжелый удар или упали с большой высоты. Тонкая гравировка на крышке стерлась,

петля была вырвана с корнем, а по фарфоровому циферблату пробежала глубокая, уродливая трещина. С точки зрения антикварного рынка вещь не стоила почти ничего — обычный лом, ремонт которого обошелся бы дороже самой покупки.

— Мне сказали, что в этом городе только вы умеете возвращать к жизни то, от чего отказались остальные мастера, — сухо произнес мужчина, не отводя взгляда от её лица. — Это часы моего деда. Он прошел с ними всю войну, а потом всю жизнь проработал на северных рудниках. Мне не нужны новые детали. Мне нужно, чтобы вы восстановили именно этот корпус и этот циферблат. Срок и цена значения не имеют.

Аксинья осторожно, кончиками пальцев прикоснулась к холодному, помятому серебру. В её пронзительно-голубых глазах зажегся тот самый тихий, сосредоточенный огонь настоящего художника, который так поразил маленькую Настасью в детстве над разбитой пастушкой. Ася не увидела в этих часах старый хлам. Она увидела историю, боль и память чужой семьи.

— Металл очень устал, серебро старое, хрупкое, — тихо проговорила она, беря в руки ювелирную лупу и склоняясь над циферблатом. — Придется работать вручную, без тер-

мической пайки, иначе фарфор циферблата лопнет окончательно. Это займет не меньше трех недель. И стоить будет дорого — не из-за материалов, а из-за времени.

— Я же сказал: цена не имеет значения, — Морозов чуть прищурился, с нескрываемым любопытством наблюдая за тем, как преобразилось лицо девушки. Вся её робость исчезла, уступив место уверенности человека, который точно знает свое дело. — Назовите сумму. Я оплачу аванс прямо сейчас.

Аксинья подняла на него глаза и назвала цифру — честную, скромную, ровно столько, сколько стоили три недели её кропотливого труда и аренда подвала. Ни единого лишнего рубля.

Глеб Морозов на секунду замер. За последние десять лет, с тех пор как его металлургическая империя на Севере стала приносить миллиарды, он привык к тому, что любой человек в Москве, едва уловив запах его денег, мгновенно умножал ценник в десять раз. Врачи, адвокаты, дизайнеры, женщины — все видели в нем только бездонный кошелек.

А эта худенькая девушка с глазами цвета октябрьского неба даже не посмотрела на его часы Patek Philippe, не оценила стоимость его пальто и назвала цену, на которую в сто-

личных ресторанах нельзя было даже поужинать.

Именно в ту секунду внутри сурового, привыкшего к вечной обороне промышленника что-то тихо, едва слышно щелкнуло.

Он достал бумажник, отсчитал ровно столько, сколько она попросила, ни купюрой больше, чтобы не обидеть её гордость, и оставил свой личный номер телефона на краю верстака.

С тех пор Глеб начал приезжать на Садовую-Кудринскую каждые три дня. Он находил десятки предлогов: то хотел проверить, как продвигается работа с дедовскими часами, то якобы проезжал мимо и решил завезти свежий кофе, то просто садился на потертый кожаный диванчик в углу мастерской, расстегивал воротник строгой рубашки и молча смотрел, как Аксинья работает под светом бестеневой лампы. В этом полуподвале, пропахшем канифолью и сухим деревом, Глеб Морозов впервые за много лет обретал покой. Здесь ему не нужно было воевать с конкурентами, держать лицо перед советом директоров или отбиваться от навязчивого внимания светских хищниц. Рядом с Асей его внутренний, вечно напряженный цейтнот отступал.

Когда через три недели Аксинья вернула ему дедовские

часы — идеально ровные, с сияющим серебром и восстановленным до миллиметра фарфоровым циферблатом — Морозов не ушел. В тот вечер он впервые пригласил её на ужин.

Он не повез её в пафосный ресторан с хрустальными люстрами и живой музыкой, понимая, что Ася будет чувствовать себя там не в своей тарелке. Вместо этого Глеб отвез её на закрытую смотровую площадку на Воробьевых горах, куда по его звонку не пустили ни одной посторонней машины.

Ночная Москва расстилалась у их ног бесконечным, мерцающим океаном огней. Было прохладно, с Москвы-реки тянуло свежей речной влагой. Глеб накинул на плечи Аксиньи свое тяжелое кашемировое пальто — она утонула в нем, став похожей на маленького воробышка, и смущенно улыбнулась, запахнув полы.

— Знаешь, Ася, — тихо произнес Морозов, опираясь руками о холодный гранитный парапет и глядя на темную воду внизу. Его голос в ночной тишине звучал глухо и непривычно откровенно. — Когда моя мать умирала пять лет назад в клинике в Цюрихе, она взяла с меня одно обещание. Она сказала: «Глеб, у тебя хватит сил построить любую империю, но не вздумай привести в наш дом женщину, у которой вместо сердца калькулятор». Я думал, что таких женщин в моем

кругу просто не существует. Пока не зашел в твой подвал.

Аксинья стояла рядом, ощущая тепло его большого, сильного тела и запах дорогого табака, впитавшийся в ткань его пальто. Её сердце билось часто и тревожно. Она никогда раньше не встречала мужчин такого масштаба — пугающих своей мощью для всего остального мира, но способных на такую глубокую, почти детскую уязвимость рядом с ней.

— Мне не нужны ваши заводы, Глеб, — тихо, но с твердой, спокойной уверенностью ответила Ася, поднимая на него свои пронзительно-голубые глаза. — У меня есть мои руки, мои инструменты и моя мастерская. Мне этого достаточно, чтобы быть счастливой. Но мне страшно, когда я смотрю на вас. Вы слишком далеко наверху. Мы из разных миров.

Морозов медленно повернулся к ней. В свете ночных фонарей его темные глаза казались бездонными. Он протянул руку, осторожно убрал выбившуюся прядь каштановых волос за её ухо, задерживая горячую ладонь на её прохладной щеке.

— Я сам построю мост между нашими мирами, Ася, — прошептал он, наклоняясь к ней. — Просто не закрывай передо мной дверь своего подвала.

Тогда он поцеловал её впервые — осторожно, сдерживая свою привычную властную силу, словно боялся разбить хрупкую фарфоровую статуэтку. А через несколько месяцев, когда их отношения стали по-настоящему близкими и доверительными, Глеб принес ей главную святыню своей семьи — старинное платиновое ожерелье матери с кашмирским сапфиром, попросив подготовить его к их будущей свадьбе. Он не знал, что именно этот камень станет роковым маяком для кареглазой хищницы, которая уже выходила на охоту из теней московских улиц.

Глава 4. Право на тишину и цена блеска

За две недели до вылета в Стокгольм. Москва. Ночной клуб в районе Патриарших прудов

В закрытой VIP-ложе закрытого столичного клуба пахло дорогим шампанским, приторным дымом фруктового кальяна и чужими большими деньгами. Настасья сидела на мягком бархатном диване, стараясь держать спину идеально прямой, хотя внутри у неё всё дрожало от липкого, унизительного холода. На ней было облегающее черное платье от известного французского дома, взятое напрокат на один вечер под залог последних украшений, а в тонких пальцах она зажимала бокал с выдохшимся Dom Pérignon.

Напротив неё, развалившись в кресле, сидел Олег Соколов — сорокапятилетний владелец сети столичных автосалонов, с которым Настасья встречалась последние восемь месяцев. Рядом с ним, бесцеремонно закинув длинные загорелые ноги ему на колени, громко смеялась двадцатилетняя блондинка с пухлыми силиконовыми губами и совершенно пустыми глазами.

Соколов даже не пытался скрывать свое пренебрежение. Он небрежно махнул рукой в сторону Настасьи, словно отгонял назойливую муху, и достал из внутреннего кармана пиджака пухлый конверт.

— Всё, Насть, спектакль окончен, — лениво, с сытой, самодовольной усмешкой произнес он, бросая конверт на стеклянный столик перед ней. — Там на два месяца аренды твоей конуры и на закрытие мелких хвостов. Больше не звони. Ты стала слишком душной. Вечно ноешь про свои кредиты, вечно с кислой миной. Мне рядом нужна легкая девчонка, а не уставшая актриса погорелого театра. Свободна.

Блондинка звонко, ядовито хихикнула, глядя на Настасью сверху вниз.

У Настасьи в висках застучала горячая, тяжелая кровь. Лицо вспыхнуло от жгучего стыда, но она заставила себя не моргнуть. Она медленно поднялась, с ледяным достоинством забрала конверт со стола — гордость не позволяла оставить эти жалкие копейки, когда завтра ей нечем будет платить за квартиру — и, не сказав ни слова, вышла из ложи.

Но едва за ней закрылись тяжелые звуконепроницаемые двери клуба и она оказалась на промозглой, ветреной ули-

це, вся её напускная броня рассыпалась в прах. Настасья прислонилась спиной к холодной кирпичной стене переулка, судорожно хватая ртом ледяной ноябрьский воздух. Из карих глаз брызнули злые, горькие слезы, размазывая дорогую тушь по щекам. Денег в конверте не хватило бы даже на то, чтобы погасить проценты по её долгам. Машину забрали за просрочку еще месяц назад. Подруги из глянцевой тусовки мгновенно отвернулись, едва почуяв запах её банкротства.

Она стояла одна в темноте переулка, продрогшая, нищая и никому не нужная, и в её груди клокотала черная, удушливая ненависть ко всему этому сытому городу. Именно в ту ночь, заглянув на следующий день к Аксинье и увидев на её верстаке кашмирский сапфир Глеба Морозова, Настасья поняла: больше она не будет просить крошки со стола у таких, как Соколов. Она заберет всё целиком.

Спустя три дня. Садовая-Кудринская. 19:40

В то время как Настасья плела свою паутину, в нескольких километрах от Патриарших прудов, напротив полуподвала Аксиньи, у обочины стоял серебристый Land Cruiser. В салоне было темно и тихо, лишь тихо шуршала печка, разгоняя сырой осенний холод.

Артем Воронцов сидел за рулем, положив тяжелые, силь-

ные руки на обод руля, и молча смотрел на желтый прямоугольник света, падающий из окна мастерской на мокрый асфальт. Он приехал сюда без всякого повода — просто после тяжелой смены в агентстве безопасности ноги сами принесли его к Садовой-Кудринской. Посмотреть издалека. Убедиться, что с ней всё в порядке.

Дверь полуподвала открылась, и на ступеньки вышла Аксинья. В руках она тащила тяжелую картонную коробку с антикварными каталогами и банками с реактивами — видимо, собиралась отвезти часть материалов домой для ночной работы. Коробка была громоздкой, закрывала обзор, и Ася, поскользнувшись на влажной плитке, едва не выронила её.

Артем вышел из машины быстрее, чем успел подумать. В три широких шага он оказался рядом и легко перехватил тяжелый груз из её замерзших рук.

— Осторожнее, Ась. Спину сорвешь с такими тяжестями, — тихо, с привычной, чуть хрипловатой теплотой произнес он.

Аксинья вздрогнула, подняла голову, и при виде Артема её пронзительно-голубые глаза мгновенно засветились искренней, живой радостью.

— Артем?! Какими судьбами? Ты какими ветрами в наших краях? — она улыбнулась так светло и открыто, что у Воронцова внутри привычно, болезненно сжалось сердце. Никакой фальши, никакой московской маски — перед ним стояла всё та же тихая, чистая девочка из Выборга, которую он любил половину своей жизни.

— Да вот, по работе мимо проезжал, смотрю — свет в твоем подвале горит допоздна, — соврал Артем, стараясь улыбаться легко и непринужденно, хотя каждая клетка его тела тянулась к ней. — Давай помогу в багажник загрузить. Ты пешком или такси ждешь?

— Я… меня должны забрать сейчас, — Аксинья слегка смутилась, опуская глаза, а на её бледных щеках проступил легкий, нежный румянец.

Артем сразу всё понял. Ему даже не нужно было оборачиваться, когда в конце улицы бесшумно возникли хищные, холодные фары бронированного Maybach с машиной сопровождения. Артем знал, кому принадлежит этот кортеж. Месяц назад его аналитики полностью проверили Глеба Морозова — и Воронцов, будучи человеком чести, заставил себя отступить. Морозов был жестким, опасным хищником в бизнесе, но на Асю он смотрел так, как смотрят на главную святыню жизни. Артем не имел права лезть между ними, имея

за душой лишь старую карельскую глушь и скромную зарплату безопасника.

Воронцов аккуратно поставил коробку на скамейку у входа, сунул руки в карманы куртки и посмотрел на Аксинью долгим, запоминающим взглядом.

— Будь счастлива, Аська, — тихо, но так серьезно произнес он, что девушка на секунду замерла, вглядываясь в его спокойные серые глаза. — Но если вдруг что-то пойдет не так… если понадобится помощь, любая, в любое время дня и ночи — мой номер у тебя есть. Просто позвони. Я найду тебя где угодно.

— Спасибо, Артем. Ты всегда был моим главным ангелом-хранителем, — мягко ответила Ася, коснувшись его рукава.

Воронцов коротко кивнул, развернулся и быстрым шагом ушел к своему внедорожнику, даже не взглянув на притормозивший у тротуара лимузин Морозова. Он отпустил её. Но в глубине души старого разведчика уже тогда заворочалось глухое, необъяснимое беспокойство.

ГЛАВА 5. Сладкая ложь

Чтобы собрать информацию о таинственном владельце кашмирского сапфира, Настасье не пришлось нанимать частных детективов — на это у неё просто не было денег. Вместо этого она включила весь свой арсенал профессиональной содержанки. Заперевшись в своей съемной однушке на трое суток, она лихорадочно, до рези в глазах изучала светскую хронику, закрытые бизнес-форумы и архивы деловых изданий.

Когда на экране ноутбука наконец всплыло имя Глеба Морозова, Настасья долго всматривалась в его жесткое, суровое лицо на архивных фотографиях. Полярный король. Хозяин северных рудников. Мужчина, который за секунду ломал миллиардные контракты и никогда не улыбался на камерах. И этот человек ухаживал за её сестрой.

Именно тогда в сознании Настасьи родилась её главная, фатальная теория. Циничная и абсолютно логичная для мира, в котором она привыкла выживать.

«Он слеп…» — Настасья медленно вела пальцем по экрану, очерчивая контур лица Морозова. — «Он такой же, как

и все они. Мужчины его уровня не смотрят в душу, им некогда. Они смотрят на фасад. Ему просто надоел столичный глянец, надоели хищницы из Дубая, и он решил поиграть в спасителя "бедной, но гордой золушки". Ему нравится её образ. Эта её показная скромность, затрепанный свитер, тихий голос и взгляд невинной овечки. Он думает, что нашел святую. Но это всего лишь роль, которую Аська играет просто потому, что не умеет брать от жизни больше. Если я надену этот свитер, если я уберу волосы в такой же небрежный пучок и заговорю её интонациями — он не почувствует разницы. Природа дала нам идентичные тела. И я сыграю эту роль лучше, чем сама Ася. Я дам ему ту самую иллюзию бескорыстной любви, которую он ищет, а взамен заберу всю его империю».

Настасья была абсолютно уверена в своей правоте. Её извращенный ум не мог вместить тот факт, что Глеб полюбил Аксинью именно за то, чего у самой Настасьи никогда не было — за искреннее, глубокое отсутствие жадности. Настасья считала это глупостью сестры, удобной маской, которую легко скопировать. И эта самоуверенность стала её главным оружием при подготовке заговора.

В пятницу утром Настасья решила нанести первый визит вежливости в мастерскую на Садовой-Кудринской. На этот раз она тщательно подготовила свой собственный «фа-

сад». На ней не было кричащих брендов или броского макияжа. Она надела простое, элегантное пальто пастельного тона, убрала волосы в скромный хвост и купила в дорогой кондитерской коробку французских пирожных-макарон — образ идеальной, заботливой сестры, которая просто зашла проведать родственницу после тяжелой рабочей недели.

Дубовая дверь полуподвала мягко звякнула колокольчиком.

— Ася, привет! Я ненадолго, знаю, что ты занята, — Настасья вошла на кухню мастерской плавно, без своего привычного шуршания и громких каблуков. Её голос прозвучал мягко, с той самой тихой, бархатистой интонацией, которую она с детства умела перехватывать у сестры.

Аксинья сидела за верстаком, убирая в сейф инструменты. При виде сестры её пронзительно-голубые глаза потеплели, хотя легкая настороженность всё еще оставалась внутри.

— Привет, Настя. Проходи. Рада, что ты заглянула, — Ася поднялась, вытирая руки полотенцем.

— Я видела, как ты устала в прошлый раз, — Настасья бережно поставила коробку с пирожными на чистый край стола и мягко улыбнулась своими карими глазами. — Решила

принести тебе к чаю что-нибудь легкое. Давай я помогу тебе прибраться? У тебя на полках с реактивами вечно пыль, а твои ювелирные руки нужно беречь.

— Спасибо, Насть, не стоит, я сама… — Ася неловко улыбнулась, тронутая такой неожиданной заботой. За последние годы Настасья впервые проявила к ней теплоту, и сердце Аксиньи, не привыкшее к интригам, дрогнуло.

— Ну уж нет, садись пить чай, а я хотя бы протру столы в приемной, — Настасья настойчиво, но мягко подтолкнула сестру к чайнику, а сама взяла салфетку.

Это был безупречно разыгранный спектакль. Пока Аксинья наливала кипяток и выкладывала пирожные на фарфоровые блюдца, Настасья скользнула в смежный кабинет сестры, где у окна стоял её личный рабочий стол. Её карие глаза мгновенно, словно радары, прошлись по бумагам.

Пальцы в мягких перчатках действовали быстро и бесшумно. На краю стола лежал раскрытый кожаный планинг Аси. Настасья выхватила телефон, бесшумно отключила вспышку и в два клика сделала высокоточные снимки разворота календаря на следующий месяц.

Её взгляд зацепился за аккуратную запись Асиной ру-

кой на четырнадцатое ноября: «Стокгольм. Встреча с господином Торвальдом. Экспертиза винтажного колье. Вылет в 07:15, терминал бизнес-авиации. Г.М.»

«Г.М. — Глеб Морозов…» — сердце Настасьи бешено заколотилось в груди. Пазл сложился. Поездка в Швецию. Изолированный Скандинавский фьорд. Встреча с закрытым коллекционером. Глеб везет свою скромную невесту-реставратора в Европу, чтобы показать редкую вещь или сделать предложение вдали от московских глаз.

Настасья вернула планинг на место ровно за секунду до того, как Ася позвала её из кухни.

— Настя, чай готов, иди к столу, — раздался мягкий голос голубоглазой сестры.

— Уже иду, Асенька! — отозвалась Настасья, пряча телефон в карман плаща. На её лице снова сияла маска любящей близняшки.

Она села напротив сестры, лениво помешивая ложечкой чай и слушая, как Ася тихо рассказывает о своей работе, о том, как тяжело далась реставрация платинового ожерелья. Настасья кивала, поддакивала, а внутри неё всё ликовало от страшного, холодного торжества. Она узнала всё, что ей бы-

ло нужно. Она знала дату, время и место, где ледяной слепок судьбы Аксиньи будет разбит навсегда. Настасья уже начала мысленно собирать свой чемодан в Скандинавию, заказывая авиабилеты и готовя для сестры полярный капкан, из которого та никогда не должна была вернуться в Москву.

Глава 6. Зеркальный лабиринт

За окном съёмной однушки на окраине Пресни сгущались тяжёлые, маслянистые ноябрьские сумерки, пахнущие близкими заморозками и мокрым пеплом большого города. В тесной комнате было душно и тихо, лишь на кухне монотонно, раздражающе капала вода из неисправного смесителя.

Настасья стояла посреди комнаты, залитой мертвенным, стерильным светом единственной галогеновой лампы. На полу у её ног валялся раскрытый, туго набитый чемодан, из которого сиротливо торчал рукав дорожного плаща, а на смятой постели в беспорядке лежали распечатки авиарейсов, карты Стокгольмского архипелага и блокнот с её собственными торопливыми записями. Но сама кареглазая близняшка не замечала окружающего хаоса. Весь её мир сейчас сузился до холодной, гладкой поверхности огромного напольного зеркала, стоявшего у противоположной стены.

На ней был простой, грубоватой вязки серый кашемировый свитер — точная, купленная с рук на интернет-барахолке копия того самого рабочего свитера, в котором Аксинья сутками пропадала за верстаком на Садовой-Кудринской.

Настасья медленно, ювелирно завязала длинные каштановые волосы в небрежный, слегка растрепанный пучок на затылке, закрепив его простой деревянной шпилькой. Её пальцы двигались с пугающей, механической точностью. Она сделала шаг назад, сознательно опустила вечно напряженные, гордо развернутые плечи, чуть подалась вперед и замерла, прислушиваясь к собственному дыханию.

Из глубины зеркального стекла на неё смотрела Аксинья. Безупречная, тихая, гордая «золушка» из антикварного мира, от которой пахло сухим деревом, сусальным золотом и девственной чистотой.

Настасья медленно подняла правую руку, кончиками пальцев осторожно, задумчиво коснулась подбородка — точный, до миллиметра выверенный жест сестры — и слегка склонила голову набок, устремив на своё отражение мягкий, чуть застенчивый взгляд сквозь опущенные ресницы.

— Глеб… мне не нужны твои заводы и счета. Мне нужен только ты, — её голос, бывший точной природной копией голоса Аси, прозвучал тихо, бархатисто, с той самой едва уловимой, трепетной хрипотцой, которую голубоглазая близняшка приобрела еще в детстве после затяжного бронхита.

Настасья прикрыла веки, прислушиваясь к вибрации собственных связок. Внутри неё, словно темная, горячая нефть, разливалось холодное, зловещее торжество. Она повторила фразу еще раз, смещая интонационный акцент на последний слог, точь-в-точь как это делала Аксинья в минуты сильного волнения.

— Безупречно, — Настасья хищно, одними уголками губ улыбнулась своему отражению, и в этот миг маска кроткой овечки слетела, обнажив ледяной оскал хищницы. — Глеб Морозов и на секунду не усомнится. Он слишком занят своей металлургической империей, своими рудниками и министерскими кабинетами, чтобы разглядывать оттенки сетчатки при свечах. Мужчины его уровня любят форму, картинку, красивую легенду, которую они сами себе придумали. Ему захотелось поиграть в спасителя бедной, бескорыстной святой? Я дам ему эту святую в лучшем виде.

Эта зеркальная магия не была для Настасьи чем-то новым. Её пугающая способность растворяться в облике сестры уходила корнями в их далекую, обделенную родительским теплом юность в старом Выборге. Настасья помнила, как еще в двенадцать лет, пока Ася часами просиживала в художественной школе или склеивала очередную старинную безделушку, сама Настя запиралась в их общей спальне перед мутным трюмо. Она с ранних лет сжигала себя черной, разъеда-

ющей завистью к той легкой, естественной светлости, которая исходила от Аксиньи. Она видела, как к Асе тянутся люди, как ласково смотрит на неё вечно уставшая мать, как защищает её угрюмый соседский парень Артем Воронцов.

Именно тогда маленькая кареглазая Настя решила: раз природа дала им идентичные тела, значит, эта уникальность Аськи — не её личная заслуга, а просто удачная роль, которую можно перехватить. Настасья годами, с маниакальным упорством оттачивала походку сестры — этот мягкий, чуть скользящий шаг, словно Ася боялась наступить на трещину в асфальте.

Она перехватывала её привычку тереть родинку на левом запястье, когда та нервничала, и даже научилась дышать так же тихо и ровно, как Ася во время работы.

А свой первый настоящий, жестокий экзамен на подмену Настасья провела в семнадцать лет, в выпускном классе.

Тогда в Аксинью впервые влюбился красивый, серьезный парень из параллельного класса — Кирилл, сын местного врача, лучший ученик школы, по которому вздыхали все девчонки. Кирилл был в восторге от тихой, глубокой Аси, носил её этюдник, провожал до самого крыльца старого дома и смотрел на неё с тем самым трепетным обожанием, кото-

рое сводило Настасью с ума от бессильной злобы. Ей самой этот скромный очкарик Кирилл был абсолютно не нужен — Настасье уже тогда нравились дерзкие, взрослые парни на подержанных иномарках. Но вынести того, что у Аськи есть что-то, чего нет у неё, она не могла.

В один из теплых майских вечеров, когда Аксинья уехала на неделю в Петербург на олимпиаду по рисунку, Настасья надела её любимое простое голубое платье, убрала волосы в скромную косу и вышла на набережную залива, где Ася обычно встречалась с Кириллом. Настасья не стала менять голос или манеры — она говорила с ним тихо, застенчиво, рассуждала о живописи фразами, которые подслушала у сестры, и держала голову чуть опущенной, пряча карие глаза в тени вечерних кленов.

Кирилл, ослепленный своей влюбленностью, не заметил абсолютно ничего. Три дня подряд Настасья гуляла с ним под видом сестры, позволяя ему держать себя за руку и целовать в щеку, а на четвертый день, когда Аксинья вернулась из Петербурга, Настасья специально устроила так, чтобы Ася увидела их вдвоем у ворот школы. И прямо на глазах у ошеломленной, побледневшей от боли Аксиньи кареглазая близняшка громко, ядовито рассмеялась, бросив растерянному парню: «Боже, Кирилл, какой же ты слепой баран! Я Настя. А ты даже не понял, кого обнимал всю неделю. Види-

мо, моя сестрица не такая уж и особенная, раз её так легко заменить».

Тогда, глядя на раздавленную слезами Аксинью и на опозоренного парня, семнадцатилетняя Настасья усвоила главный урок своей жизни: люди видят только то, что хотят видеть. Внешняя оболочка решает всё.

И сейчас, спустя девять лет, в душной московской однушке, она готовилась применить этот урок в последний, решающий раз — уже не ради мелкой школьной пакости, а ради миллиардной империи Глеба Морозова.

Но для того чтобы запустить скандинавский капкан, Настасье требовались живые, быстрые деньги. Билеты на утренний рейс в Стокгольм, аренда машины, подкуп шведского лодочника наличными евро и оплата глухого дома на островах — на всё это нужны были сотни тысяч рублей, которых на её заблокированных приставами картах не было.

Настасья отвернулась от зеркала, подошла к платяному шкафу, решительно распахнула дверцы и достала тяжелый, черный фирменный чехол. Внутри него покоилась её главная материальная гордость, её последняя броня для светских выходов — роскошная, длинная шуба из отборной канадской норки цвета горького шоколада, купленная два года назад на

пике щедрости одного из её прежних богатых покровителей. Эта вещь стоила как хорошая иномарка.

Пальцы Настасьи на секунду судорожно сжались на густом, шелковистом меху. Ей было по-настоящему больно и физически тяжело расставаться с этим символом её столичного глянца. В её сознании отдать эту шубу означало признать свое временное банкротство. Но, бросив взгляд на экран смартфона, где на увеличенном снимке Глеб Морозов нежно целовал Асю у дверей полуподвала на Садовой-Кудринской, Настасья жестко, безжалостно застегнула молнию чехла.

— К черту этот мех, — хрипло, с ледяной решимостью выдохнула она, вытаскивая тяжелый чехол в узкую прихожую. — Через неделю у меня будут швейцарские счета, загородные виллы в Барвихе, личный Maybach Морозова и кашмирский сапфир на шее. Я вырву этот билет у судьбы, даже если мне придется сжечь за собой всё.

Она взяла телефон и вызвала такси до Тверской — к закрытому комиссионному бутику, который принимал элитные меха в любое время суток без лишних вопросов. Настасья была готова лично отвезти туда свою главную драгоценность и отдать её за полцены ради наличных евро здесь и сейчас. Времени оставалось в обрез. До вылета Аксиньи и

Глеба в Скандинавию оставалось меньше двух суток, и Настасья обязана была оказаться в аэропорту Арланда на день раньше, чтобы лично подготовить для голубоглазой сестры ту самую каменную могилу у заброшенного маяка, из которой Аксинья уже никогда не должна была вернуться живой.

Глава 7. Билет в один конец

Закрытый комиссионный бутик в одном из тихих переулков за Тверской работал допоздна и не любил лишних свидетелей. В девять вечера Настасья стояла у обитого темным бархатом прилавка, нервно сжимая ремень сумки, пока оценщик — невысокий, сухопарый мужчина в круглых очках без оправы, от которого пахло дорогим парфюмом и старой кожей — молча осматривал её канадскую норку. Он прошелся пальцами против густого, шелковистого ворса цвета горького шоколада, проверил подкладку и швы, а затем коротко кивнул.

— Состояние идеальное, но сейчас не сезон для мехов, да и фасон из позапрошлой коллекции, — сухо произнес он, доставая из сейфа пухлый конверт. — Дам половину от той суммы, что вы назвали по телефону. Наличными, в евро. Без расписок.

У Настасьи внутри всё сжалось от глухой, бессильной злобы. Она знала, что эта шуба стоит вдвое дороже, но времени на торги не оставалось. До вылета Аксиньи и Морозова в Швецию оставалось меньше двух суток.

— Идет, — хрипло ответила она, даже не пытаясь торговаться.

Забрав деньги, Настасья вышла из бутика в промозглый переулок, дошла до ближайшего круглосуточного банкомата на Тверской, закинула часть наличных на свою карту для оплаты авиабилета и хостела, а затем поймала такси обратно на Пресню. Дома она заперла дверь на все замки, прошла в спальню и в последний раз оглядела свою тесную съемную однушку. На тумбочке сиротливо лежали ключи от квартиры, за которую она больше не собиралась платить, и пачка неоплаченных кредитных уведомлений. Настасья сгребла бумаги в мусорное ведро, взяла заранее собранный чемодан и вызвала такси в Шереметьево. Обратного пути у неё не было. Либо она вернется в Москву хозяйкой империи Глеба Морозова, либо не вернется вовсе.

Тринадцатое ноября. Стокгольм, Швеция

Скандинавия встретила Настасью пронизывающим, ледяным ветром с Балтики и низким свинцовым небом, которое, казалось, лежало прямо на острых шпилях Старого города. В ноябре Стокгольм выглядел суровым, графичным и безлюдным. Туристы давно разъехались, вода в заливах потемнела, приобретя цвет мокрого сланца, а в воздухе уже отчетливо пахло близким снегом и полярной стужей.

Настасья не стала задерживаться в центре. Прямо из аэропорта Арланда она наняла частное такси и отправилась на север от столицы, в сторону дикого, изрезанного шхерами побережья. Ей нужен был не туристический глянец, а глушь — место, куда не заглядывают случайные яхты и где крик о помощи утонет в реве холодных волн.

К полудню машина остановилась у крошечного, продуваемого всеми ветрами рыбацкого причала в сорока километрах от города. У покосившегося деревянного сарая, пропахшего соляркой, смолой и сушеной треской, возился со снастями пожилой швед в желтом прорезиненном комбинезоне. Его обветренное, испещренное глубокими морщинами лицо напоминало старую дубовую кору, а выцветшие голубые глаза смотрели на приехавшую в дорогом пальто иностранку с тяжелым, немым безразличием.

Настасья подошла ближе, стараясь не поскользнуться на обледенелых досках настила, и заговорила на беглом английском, который когда-то выучила в элитных московских тусовках.

— Мне нужна лодка, — четко произнесла она, доставая из сумки Burberry пачку купюр. — И мне нужен человек, который умеет держать язык за зубами. В трех милях от бере-

га есть старый гранитный остров с заброшенным маяком. Я знаю, что там стоит дом смотрителя. Он пустует?

Рыбак медленно вытер мокрые руки о ветошь, перевел взгляд на деньги, а затем на суровое, темное море.

— Туда никто не ходит с октября, фрёкен, — глухо, с тяжелым скандинавским акцентом ответил он. — Там нет электричества. Только старая печь и голые камни. Через пару дней начнутся шторма, и пролив затянет шугой. Делать там нечего.

— Это не ваше дело, — Настасья отсчитала тысячу евро и протянула ему. — Сегодня вы отвезете меня туда, чтобы я осмотрела дом. Завтра в это же время мы привезем туда мою сестру. У нас семейный разговор, который не касается посторонних. А через два часа вы заберете с острова только меня. Еще две тысячи евро вы получите, когда мы вернемся на берег. Вы меня никогда не видели, мою сестру тоже. Договорились?

Швед долго смотрел на деньги. В этих глухих северных краях зима была долгой, а улов в этом году скудным. Он молча забрал купюры, спрятал их в нагрудный карман комбинезона и кивнул в сторону старого, но мощного дизельного катера.

Через сорок минут катер ткнулся носом в гранитный валун пустынного острова. Место оказалось даже мрачнее и безнадежнее, чем Настасья могла себе представить. Огромные, гладкие как спины китов серые скалы уходили прямо в ледяную черную воду. Ни единого дерева, только редкие кусты сухого, почерневшего от мороза вереска и колючий мох. На самой вершине утеса возвышалась сложенная из дикого камня башня старого, давно погасшего маяка, а рядом с ней притулился приземистый, одноэтажный дом с толстыми гранитными стенами и узкими, глубоко посаженными окнами.

Настасья поднялась по скользкой каменной тропе, толкнула тяжелую дубовую дверь и зашла внутрь. В доме пахло сыростью, мышами и холодным пеплом. В углу стояла грубая железная кровать с продавленным матрасом, у стены — массивный деревянный стол и чугунная буржуйка. Но главное, что заставило карие глаза Настасьи хищно блеснуть, находилось снаружи. На косяке входной двери висел массивный, ржавый, но всё еще невероятно прочный кованый засов, способный выдержать удар тарана. И ни одного сотового сигнала — деления на экране её смартфона исчезли еще на середине пролива.

Это была идеальная каменная могила. Поздней осенью, без связи, без еды и спичек, Аксинья не продержится здесь и

трех дней. Холод Балтики сделает всю грязную работу сам, не оставив на руках Настасьи ни капли крови.

Тем же вечером. Москва. Квартира Аксиньи

Пока в далекой Швеции Настасья проверяла прочность железного засова, в тихой, скромной двушке на окраине Москвы пахло свежезаваренным чаем с чабрецом и теплым домашним уютом. Аксинья стояла посреди своей небольшой спальни, аккуратно укладывая в компактный дорожный чемодан теплые вязаные свитера, шерстяные носки и любимый набор ювелирных луп. Она была полна тихого, светлого волнения. Глеб впервые пригласил её в совместную поездку за границу. Официальным поводом была экспертиза старинного винтажного колье у шведского коллекционера, но Ася чувствовала по тому, как светились его темные глаза, что за этой поездкой кроется нечто гораздо большее.

В прихожей мягко повернулся ключ в замке. У Глеба был свой дубликат, который он настоял взять месяц назад, чтобы не ждать, пока Ася откроет ему дверь после поздних смен в мастерской.

— Ася, ты дома? — раздался его низкий, глубокий баритон, от которого по спине девушки тут же пробежала волна теплой, согревающей нежности.

— Я в спальне, Глеб! — отозвалась она, выходя ему навстречу.

Морозов стоял в узком коридоре, снимая тяжелое кашемировое пальто. В тесной прихожей хрущевки этот высокий, широкоплечий мужчина, привыкший к просторам загородных резиденций и строгим кабинетам, казался гигантом из другого мира. Но он чувствовал себя здесь удивительно естественно. Ему нравилась эта простая, лишенная всякой позолоты квартира. Нравились старые книги на полках, выцветшие обои и то, что Аксинья даже не пыталась просить у него денег на ремонт или новую мебель. В мире, где каждый второй пытался откусить кусок от его металлургических активов, её скромность и гордая независимость действовали на него как глоток чистого ледяного воздуха.

Глеб шагнул к ней, его большие, горячие ладони обхватили её тонкую талию, легко приподнимая над полом и прижимая к себе. Он уткнулся лицом в её каштановые волосы, глубоко вдыхая привычный, родной запах канифоли, сухого дерева и чистой кожи.

— Собралась? — тихо спросил он, отстраняясь ровно настолько, чтобы заглянуть в её пронзительно-голубые, ясные глаза. В них не было ни тени корысти, только открытая, без-

защитная нежность.

— Почти, — Ася улыбнулась, положив ладони ему на грудь, чувствуя сквозь тонкую ткань рубашки ровный, мощный стук его сердца. — Глеб, я немного волнуюсь. Этот шведский коллекционер… он правда готов доверить мне оценку такой редкой вещи?

— Господин Торвальд доверяет моему слову, Ася. А я доверяю тебе больше, чем кому-либо в этом мире, — Морозов наклонился и коснулся губами её лба, а затем медленно, бережно накрыл её рот долгим, согревающим поцелуем. — Но, честно говоря, этот коллекционер — лишь предлог. Я просто хотел увезти тебя из этого подвала на пару дней. Показать тебе Стокгольм. Побыть с тобой вдвоем, без охраны, без телефонов и без твоих бесконечных реактивов.

Аксинья прижалась щекой к его плечу, закрыв глаза. Рядом с ним мир казался абсолютно надежным, защищенным от любых бурь. Она не знала, что в эту самую минуту в её сумке, в боковом кармане, лежит аккуратно сложенная записка, которую Настасья тайно подбросила ей днем во время их короткого прощания у мастерской. В записке был указан адрес в центре Стокгольма и отчаянная просьба сестры встретиться на полчаса до переговоров с Торвальдом — якобы ради срочного спасения от коллекторов.

Ловушка была заряжена. И завтра утром, едва шасси частного самолета Глеба Морозова коснутся взлетной полосы аэропорта Арланда, обратный отсчет пойдет на минуты.

Глава 8. Утро перед штормом

Четырнадцатое ноября. Москва. 05:15 утра

Предрассветная Москва в середине ноября походила на застывший графитовый рисунок, по которому небрежно провели мокрой кистью. Тяжелое, свинцовое небо висело так низко, что, казалось, цеплялось за шпили сталинских высоток. Мелкая, колючая изморось бесшумно оседала на пустой асфальт Садового кольца, превращая его в тусклое, маслянистое зеркало, в котором дробились холодные огни редких ночных фонарей. Город еще спал, набираясь сил перед очередным бешеным рабочим днем, но у подъезда старой, облупленной хрущевки на окраине уже тихо, почти неслышно урчал прогретый двигатель угольно-черного бронированного Maybach.

Аксинья вышла из подъезда ровно в пять двадцать. На ней было простое, но теплое шерстяное пальто приглушенного верблюжьего оттенка, мягкий кашемировый шарф, небрежно обмотанный вокруг тонкой шеи, и удобные кожаные полусапожки без каблука — она всегда одевалась так, чтобы ничто не сковывало движений. В правой руке она несла свой небольшой, потертый на углах дорожный чемодан, а через

плечо висела вместительная кожаная сумка, в которой рядом с паспортом, билетами и набором ювелирных луп уже лежала та самая аккуратно сложенная записка, подброшенная Настасьей.

Едва тяжелая железная дверь подъезда глухо лязгнула за спиной Аси, задняя дверь лимузина плавно распахнулась. Навстречу ей вышел Глеб Морозов.

Даже в этот ранний, промозглый час он выглядел безупречно, словно только что сошел с обложки закрытого делового издания. Высокий, широкоплечий, затянутый в темное кашемировое пальто безукоризненного кроя, с легкой, благородной сединой на висках. В его суровом, волевом лице не было ни тени утренней сонливости — только привычная, монолитная собранность человека, который привык держать под контролем целые промышленные регионы. Но стоило ему увидеть Аксинью, как жесткие складки у его рта мгновенно разгладились, а в темных, почти черных глазах зажегся тихий, согревающий свет.

— Доброе утро, Ася, — его низкий, рокочущий баритон эхом отозвался в пустом, гулком дворе. Морозов в два широких шага преодолел расстояние между ними, легко забрал из её рук чемодан и передал его подошедшему охраннику, который тут же бесшумно уложил багаж в багажник.

Прежде чем Аксинья успела что-то ответить, большая, горячая ладонь Глеба легла ей на талию, мягко, но собственнически притягивая её к своей широкой груди. Он наклонился, зарылся носом в её каштановые волосы, пахнущие чистым снегом, травяным шампунем и неуловимой ноткой сусального золота из её мастерской, и глубоко вдохнул.

— Ты совсем не спала? — тихо спросил он, отстраняясь ровно настолько, чтобы заглянуть в её пронзительно-голубые, ясные глаза. В них отражался холодный свет уличного фонаря, делая взгляд девушки почти прозрачным. — У тебя под глазами тени.

— Спала, Глеб, честно, — Ася тихо рассмеялась, чувствуя, как от одного его прикосновения уходит утренний озноб. Она подняла руку в тонкой вязаной варежке и осторожно коснулась его щеки, ощущая легкую, колючую щетину. — Просто волнуюсь немного. Я никогда не работала с коллекционерами такого уровня. Господин Торвальд… о нем легенды ходят в среде реставраторов. Говорят, у него в коллекции есть вещи эпохи Ваза, к которым десятилетиями не подпускали ни одного мастера.

— Торвальд — старый лис, который ценит настоящее мастерство выше любых титулов, — Морозов накрыл её ладонь

своей огромной рукой, прижимая её пальцы к своим губам, и обжег кожу коротким, медленным поцелуем. — А лучше тебя в этой стране с металлом и камнем не работает никто. Я бы не повез тебя в Стокгольм, если бы хоть на секунду сомневался в твоем таланте. Пойдем в машину, здесь ледяной ветер.

Он усадил её на широкое, мягкое кожаное сиденье лимузина, заботливо укрыл ноги теплым кашемировым пледом, который всегда лежал в салоне, и сел рядом. Машина плавно, бесшумно тронулась с места, выезжая на пустынный проспект. Внутри салона пахло дорогой кожей, свежим эспрессо из термоса и горьковатым, терпким парфюмом Глеба.

Аксинья откинулась на подголовник, глядя, как за тонированным стеклом проплывают серые, мокрые кварталы просыпающейся Москвы. Ей до сих пор с трудом верилось в реальность происходящего. Еще полгода назад её мир ограничивался полуподвалом на Садовой-Кудринской, тусклым светом бестеневой лампы, счетами за аренду и вечным страхом не успеть сдать заказ в срок. А потом в её дверь вошел Глеб Морозов — сначала как закрытый, суровый клиент, принесший на реставрацию фамильное платиновое ожерелье с кашмирским сапфиром, а затем как мужчина, который методично, без лишнего пафоса и громких слов, начал разрушать все её защитные стены. Он не давил деньгами, не

пытался купить её дорогими подарками. Он просто приезжал вечерами с пакетом горячих пирожков из соседней пекарни, садился на старый продавленный диванчик в углу мастерской и молча ждал, пока она закончит работу, просто чтобы отвезти её домой и убедиться, что она в безопасности.

— О чем задумалась? — тихо спросил Глеб, переплетая свои длинные, сильные пальцы с её тонкими пальцами.

— О том, что моя жизнь слишком сильно изменилась за последние месяцы, — честно призналась Ася, поворачивая к нему голову. — Иногда мне кажется, что я просто заснула за верстаком, и всё это мне снится. Ты, этот самолет, Стокгольм… Глеб, я ведь совсем из другого мира. У меня нет ни связей, ни фамильного капитала. Я просто ремесленник.

Морозов резко повернулся к ней, его взгляд потемнел, став тяжелым и непреклонным. Он свободной рукой притянул её за затылок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Никогда больше не смей так говорить, Аксинья, — жестко, но с такой глубокой, обжигающей нежностью в голосе произнес он, что у девушки перехватило дыхание. — В моем мире полно женщин с капиталами, связями и идеальным глянцем. От них тошнит через пять минут разговора, потому что в их глазах вместо зрачков крутятся счетчики.

А у тебя взгляд цвета осеннего неба. Ты настоящая. Ты живая. И ты — единственное, что имеет для меня ценность. Всё остальное — пыль.

Он наклонился и накрыл её губы долгим, глубоким поцелуем — властным, собственническим, но в то же время бесконечно бережным. Аксинья замерла, растворяясь в его тепле, отвечая ему с той самой тихой, беззащитной преданностью, которую Настасья так презрительно называла «ролью невинной овечки».

06:40. Аэропорт Внуково-3. Служба авиационной безопасности

Пока белоснежный Gulfstream Глеба Морозова набирал высоту, пробивая тяжелую свинцовую облачность над Подмосковьем, в здании соседнего терминала, в тесном кабинете начальника смены безопасности, сидел Артем Воронцов. Ему было тридцать два года, и он вырос с сестрами Поляковыми в одном дворе на окраине Выборга.

В юности Артем был тем самым неразговорчивым соседским парнем, который вечно таскал за Аксиньей тяжелые папки с этюдами в художественную школу, чинил её старый велосипед и молча вступался за неё, когда дворовые мальчишки пытались дразнить тихую голубоглазую девочку. Еще

тогда, в шестнадцать лет, он полюбил её — глубоко, безнадежно и навсегда. Но жизнь развела их: Артем отслужил в разведке, затем ушел в частный сыск и обеспечение корпоративной безопасности, осевши в Москве. Он не лез в жизнь Аси, зная её гордый характер, но всегда незримо присматривал за ней издалека, изредка анонимно подкидывая дорогие заказы на реставрацию, чтобы у неё всегда были деньги на аренду мастерской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.